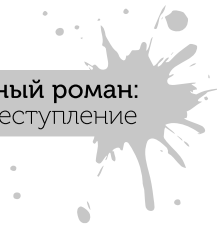

Татьяна Полякова

БОЧКА НО-ШПЫ
И ЛОЖКА ЯДА

Москва

Криминальный роман:
любовь и преступление

Татьяна Полякова

БОЧКА НО-ШПЫ
И ЛОЖКА ЯДА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Л. Адаменко*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Бочка но-шпы и ложка яда : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-223816-1

Гости съезжались на дачу... А точнее, в загородный дом вдовы Ларисы Артемьевой. Но — увы! — далеко не все из них благополучно уехали оттуда. Один утонул, другую сбила машина, еще один неудачно упал и разбился. Вдобавок кто-то придушил престарелую тетушку и отравил падчерицу Ларисы. Есть от чего забеспокоиться, тем более у Ларисы имеются основания считать, что главной мишенью убийцы является она — молодая, красивая и богатая...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223816-1

© Полякова Т.В., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Все началось с того, что тетушка Сусанна выпала из окна. По-настоящему она не была моей тетей, она была дальней родственницей моего второго мужа и досталась мне по наследству вместе с его славным именем и домом, который он изрядно изуродовал, пытаясь перестроить по собственному проекту.

Старушка смутно помнила русско-японскую войну, и по самым скромным подсчетам ей давно перевалило за сотню лет, что отнюдь не мешало Сусанне вести чрезвычайно активный образ жизни. Лет двадцать назад она начала обратный отсчет своим годам, и теперь выходило, что ей восемьдесят семь. Утверждение, начисто лишенное логики. Какая в этом случае русско-японская война? Софья заявила, что бабушка просто выжила из ума, с чем я решительно не могла согласиться. Несмотря на свой преклонный возраст, тетка Сусанна отличалась твердой памятью (особенно на чужие проступки), невероятным ехидством и редким умением довести до белого каления любую человеческую особь, будь то младенец или убелен-

ный седидами философ. Достаточно было одного взгляда на сморщенное личико Сусанны с пакостной улыбкой и злыми глазками, чтобы захотелось незамедлительно придушить ее.

Софья неоднократно высказывала удивление, почему я терплю Сусанну в своем доме, коли она мне даже не родственница. Кстати сказать, с моим вторым мужем они терпеть друг друга не могли и ругались как минимум трижды в день. Однажды Костас даже запер ее в кладовке. Поступок, безусловно, недостойный мужчины. Старушка, как только выбралась из заключения, огрела его палкой, на которую опиралась при ходьбе, и сумела-таки пробить ему череп. И это несмотря на то, что отличалась subtilностью, а к тому времени и вовсе усохла, а голова моего супруга, по мнению его недоброжелателей, славилась невероятной крепостью (недоброжелатели произносили это словосочетание издевательски, имея в виду, что супруг невероятно туп).

Так вот, несмотря на застарелую вражду между родственниками и давнюю кончину Костаса, Сусанна продолжала жить в нашем доме. Этому было две причины. Первая: в доме для престарелых старушку за ее дурной нрав непременно кто-нибудь придушит, вторая: отличаясь острым взглядом и злым языком, она не давала мне возможности расслабиться, всегда поддерживая в нужном тоне.

Если Сусанна ядовито замечала: «Что-то ты скверно выглядишь», надо было срочно отправ-

ляться к косметологу, пока я действительно не начала выглядеть скверно. Домашние ее терпеть не могли, что и неудивительно. Больше всех от нее доставалось поварихе Розе и домработнице Наталье. Татарка Роза — существо доброе, милое и улыбочное — при виде Сусанны стискивала зубы с такой свирепостью, что становилась похожа лицом на Тамерлана. Тетушке сие доставляло явное удовольствие.

Всем в доме Сусанна дала прозвища. Меня неизменно называла аферисткой, Софью — приживалкой, детей моего третьего мужа соответственно — лоботрясом и дурочкой, Розу — отравительницей, а Наталью — грязнулей. Любви домашних ей это не прибавило. Они бурчали под нос, что старушка задержалась на этом свете, мол, пожила, пора и честь знать.

Каюсь, эти мысли иногда приходили в голову и мне, но, к чести моей, лишь в минуты слабости. В глубине души я была уверена, что Сусанна существо бессмертное, посланное нам за грехи, и не сомневалась, что она переживет меня и отойдет по наследству детям. И то, что Сусанна едва нас не покинула, явилось для меня громом среди ясного неба.

В то утро мы с Софьей пили чай на веранде и составляли список гостей, которые ожидались завтра. Специально мы никого не приглашали, решив, что те, кому надо, сами явятся, и теперь прикидывали, «кому надо». Повод, для того что-

бы собраться, был невеселым, но ответственным: завтра исполнялся ровно год, как мой муж, Борис Артемьев, скончался от цирроза печени, оставив мне своих двоих детей от первого брака и светлую память. Литературная общественность до сих пор скорбит по поводу этой утраты, так как мой муж был известным беллетристом. Настолько известным, что читатели (особенно читательницы) сходили по нему с ума. Популярность стала для супруга тяжелой ношей, он запил, как это водится у российских гениев, и скоропостижно скончался на пятьдесят третьем году жизни, правда, оставив два практически законченных романа (возможно, даже три или четыре, он был очень плодовит). Сусанна как-то высказалась по этому поводу:

— И когда он только пишет, ведь с утра пьян в стельку.

— Фолкнер пил даже больше, — нашлась Софья, — и умудрился стать классиком.

— Вот уж не знаю, — ядовито усмехнулась Сусанна, что было истинной правдой: Фолкнера она знать не знала.

— Гений может творить в любом состоянии, — гнула свое Софья, хоть и знала, что спорить с Сусанной — зря терять время.

— Это Борька-то гений? — хихикала старушка. — Дурак он, прости господи, никчемный мужичишко. И если б наша аферистка не подобрала его, он до сих пор валялся бы на помойке, где ему самое место.

Софья вздыхала, а я лишь пожимала плечами. Кое-что в словах старушки вполне могло сойти за правду. На момент нашего знакомства с Борисом Петровичем он был никому не известным гением в возрасте сорока пяти лет, которого никто упорно не хотел печатать. Иногда ему удавалось запихнуть рассказик в какой-нибудь толстый журнал, но, так как журналы сами бедствовали, гонораров на хлеб насущный ему не хватало. Борис Петрович существовал на деньги брата. Он впал в пессимизм, ненавидел всех, особенно издателей и писателей, успешным собратьям по ремеслу яростно завидовал и исходил лютой злобой.

Я в то время вдовствовала, только что похоронив своего второго мужа, известного художника Костаса Одинцова. На самом деле его звали Константином, но ему казалось, что «Костас» звучит гораздо впечатляюще, и он придумал себе бабку — то ли грузинку, то ли гречанку. Может, такая и была в наличии, но из всей его родни я знала лишь Сусанну, которая изводила Костаса насмешками над его живописью и называла мазилкой.

Кстати, когда мы познакомились с Костасом, он тоже числился непризнанным гением. Наш брак, то есть обрушившееся на него счастье, перевернул душу художника, и он внезапно создал шедевр (так считали многочисленные критики), потом второй, потом шедевры бесперебойно последовали один за другим. Картины охотно раску-

пали иностранцы. Теперь они находятся во многих частных собраниях и музеях мира, а стоят столько, что мне иногда становится неловко. Так как первым шедевром был мой портрет, да и потом Костас очень часто рисовал меня, малая толика его славы досталась и мне.

На первой картине у меня была кошачья голова (но мои черты угадывались), на второй моя голова на кошачьем теле. Кто-то робко назвал Костаса русским Сальвадором Дали. И понеслось... К сожалению, муж, работая как проклятый, подорвал свое здоровье, чему способствовала и неумеренная тяга к спиртному, и скончался в апофеозе славы.

Это я к тому, что на момент встречи с Борисом у меня имелся опыт общения с гениями, причем Костасом он не ограничивался. Первый мой муж — итальянец — до сих пор безумно популярен на своей родине, хотя и умер пятнадцать лет назад. Мы познакомились в Питере, куда Антонио прибыл на гастроли в составе ансамбля итальянской поп-звезды. Этому крикливому певцу он, кстати, страшно завидовал. Мне в то время только что исполнилось восемнадцать, я была романтична, глупа, мечтала жить за границей и могла влюбиться в кого попало, а тут все-таки музыкант. Наш роман был бурным, по-итальянски темпераментным и закончился свадьбой. Он увез меня в Рим, и я смогла убедиться, что мои мечты о заграничье не имеют ничего общего с действительностью.

Дабы не умереть от скуки, а заодно и от голода (муж вскоре ушел от звезды, обозвав того бездарем и занудой), и вспомнив, что за плечами у меня музыкальная школа, я начала петь в захудалом ресторанчике по соседству с нашим домом. Антонио по доброте душевной написал для меня несколько песенок, чтобы разнообразить мой репертуар. Песенки неожиданно понравились. Потом меня услышал музыкальный продюсер, бог знает как оказавшийся в нашем заведении. Последовал невероятный поворот судьбы, и мой муж в одночасье стал знаменитым. Звезды выпрашивали у него песни, звукозаписывающие студии рвали на части, а он на пути к вершине славы внезапно утонул в ванне. Сел в холодную воду с желанием протрезветь, но вместо этого уснул и захлебнулся. Я в то время находилась в Милане и не могла при всем желании вытащить его из ванны. Знал бы он, какая слава ждала его впереди, поостерегся бы трезветь подобным образом и просто вставал бы под холодный душ.

Похоронив мужа, я, порывшись в его бумагах, обнаружила еще семь очень неплохих мелодий. Я продала их с большой для себя выгодой и вернулась на родину, решив, что в Италии, по большому счету, делать мне нечего.

Родина встретила меня ласково: вдова известного итальянского композитора и сама почти певица. При желании я бы могла сделать неплохую карьеру, но желания у меня не было. Я искала

спутника жизни и мечтала о женском счастье (сказать по правде, нашу жизнь с первым мужем называть счастливой можно было лишь в приступе белой горячки).

Претендентов на мою руку и сердце было множество, но как-то не верилось, что кто-то из них в самом деле меня осчастливит. Одних интересовали мои деньги, других неземная красота. И те и другие намеревались попользоваться, а мне хотелось, чтобы меня носили на руках.

Вот тут-то и появился Костас, его привел ко мне в гости один мой знакомый поэт. Костас уничтожил все продуктовые запасы в моем холодильнике и между делом научил меня смешивать краски. Я была ему благодарна и вскоре вышла за него замуж. Потом он сделался знаменит, запил и умер, а я вновь задумалась о женском счастье.

К тому моменту я была очень богатой женщиной и мне следовало соблюдать осторожность, потому что аферистов, как известно, пруд пруди, а мы настолько беспомощны, когда речь заходит о чувствах... Многие кандидатуры были с негодованием отвергнуты мною. Бизнесмены и политики меня пугали, душа стремилась к людям творческим, и тут Борис Петрович Артемьев попал под колеса моей машины.

Произошло это поздней осенью в десять часов вечера. Фонари в переулке отсутствовали, а Борис Петрович игнорировал светофор и к тому же переходил дорогу в неполюженном месте. В результате

заметила я его слишком поздно. Я затормозила, отчаянно взвизгнув. Он метнулся, точно испуганный заяц, но все равно его бедро пришло в соприкосновение с крылом моей машины. Он рухнул на асфальт. Я выскочила из машины. Борис Петрович стонал, но в больницу ехать отказался наотрез. В результате я привезла его к себе, где мы и познакомились.

Борис влюбился в меня с первого взгляда. По крайней мере, он не раз заявлял об этом в своих многочисленных интервью. Не берусь утверждать, но точно помню, что мою квартиру после происшествия в переулке он покидал крайне неохотно, ближе к вечеру следующего дня. За это время он успел трижды покушать, принять ванну, выспаться и рассказать мне историю своей жизни. В ней было много страданий и завистников. Я прониклась сочувствием, тем более что Борис Петрович без конца потирал поврежденное бедро и морщился. Через день он пришел опять, сообщив, что обнаружил во мне родственную душу. Согласитесь, такое происходит не часто. Потом он стал захаживать ежедневно и вскоре уже практически не покидал моей квартиры — должно быть, из-за боязни, что назад я его не пушу. Но я была далека от этого. Стоя возле камина с кружкой горячего глинтвейна, Борис Петрович сообщил, что намерен взяться за роман, что и выполнил буквально на следующее утро, то есть позавтракал и взялся. Процесс увлек не только его, но и меня, роман был написан в рекордные сроки: двадцать семь дней. Потом

еще три месяца Борис Петрович, как он выразился, его отшлифовывал и наконец-то отнес в издательство. Рукопись приняли и вскоре напечатали. Книга стала бестселлером, а Борис Петрович уверенно устремился к вершинам славы. Но перед этим сделал мне предложение. Мы обвенчались в сельской церкви на родине Артемьева и восемь лет прожили душа в душу, хотя, не выдержав бремени счастья, Борис Петрович начал употреблять, увлекаясь алкоголем все больше и больше. Но я к этому относилась с пониманием, и данное обстоятельство разлада в семью не внесло.

Однако моя забота все же не спасла Артемьева от безвременной кончины, которая произошла год назад. И теперь мы с Софьей прикидывали, сколько народу прибудет завтра, чтобы подготовиться, не ударить в грязь лицом и достойно помянуть покойного.

— Шампанское вряд ли понадобится, — заметила Софья, качая ногой и играя шлепанцем. По причине жары она была в шортах, майке, смешной шапочке с ушками из пластмассы. Наряд совершенно нелепый, но он очень нравился Софье, а Софья нравилась мне.

Она считалась моим секретарем, но была подругой, хотя и работы ей хватало. Наследство, доставшееся мне от трех мужей, требовало внимания. Авторские права Артемьева перешли ко мне, издательства умоляли передать им рукописи, которые муж практически закончил. В общем, голо-

ва пухла от множества дел, и обойтись без Софьи было невозможно.

Она жила в нашем доме, потому что семьи у нее не было и она не собиралась ею обзаводиться. Сейчас, разглядывая ее, я вдруг поняла, что она спятила: красивой молодой женщине стоило подумать... Впрочем, у нее было столько романов, что недостаток в любви она вряд ли испытывала, а семья... в конце концов, у нее есть я, а у меня есть она. Совсем неплохо, если вдуматься.

Софья среднего роста, стройная, ее фигура до недавних пор больше напоминала мальчишескую. Потом Софья решила, что ее необыкновенно украсит роскошный бюст, и отправилась за ним в клинику. После хирургического вмешательства бюст превзошел самые смелые ее ожидания, Софья невероятно гордилась им и охотно демонстрировала.

— Куда ты смотришь? — вдруг спросила она, оторвавшись от бумаг, что лежали на столе.

— На твой бюст, — ответила я.

— Миленько смотрится, правда?

— Ты говоришь о нем, как о новой шляпке, — усмехнулась я.

— Трудно воспринимать его органично, — скривила она забавную физиономию и тут же добавила: — Тебе этого не понять, у тебя настоящий лучше моего силиконового. И мои страдания...

— У тебя ноги красивее, чем у меня, — поспешила заверить ее я, желая отбить у нее охоту жаловаться.

— Не смейся, — презрительно фыркнула Софья. — Ты само совершенство. Мне понадобится угробить не один год, прежде чем я смогу приблизиться... Я тебя про шампанское спросила, — нахмурилась она. — Ты все знаешь, скажи, шампанское уместно на поминках?

— Закажи десяток бутылок, — пожалала я плечами. — В конце концов, это встреча старых друзей...

При слове «друзья» Софья закатила глаза, давая понять, что она думает о таких друзьях.

— Хорошо. Пусть лежат на всякий случай, у тебя через месяц день рождения, все равно покупать. Красное вино есть, белого тоже хватит. Закажу мартини, коньяк прислал Ашот, кстати, он звонил, возможно, на днях заглянет... В доме нет водки, а твои литературные дамы хлещут ее стаканами. Придется заказать ящик.

— Аглая тоже перешла на водку, — заметила я. — Утверждает, что для здоровья она полезней.

— Она ж коньячок уважала.

— Теперь она вегетарианка, а из алкоголя пьет только водку, причем исключительно «Довгань Дамская».

— Вот как, — Софья быстро сделала пометку в ежедневнике. — Водка вправду хорошая, или дама, как всегда, интересничает?

— Хорошая, — кивнула я. — Я пробовала.

— Ты пила водку? — вроде бы не поверила Софья.

— Как русский человек, имею право расслабиться. По моему мнению, водка должна отвечать трем требованиям: не вонять так, что с души воротит, иметь мягкий вкус, чтобы плечами не дергать, когда пьешь, а главное, с утра не мучиться головной болью. Всем трем условиям она отвечает, так что пиши: водка «Довгань Дамская», ящик.

— Чем больше я тебя узнаю, тем больше убеждаюсь, что не знаю тебя вообще, — посетовала Софья.

— Что еще за глупости?

— Нет, правда, ну где ты водку пила? У себя в комнате, когда никто не видит?

— На приеме у Соболевского, куда ты со мной не поехала. И там как раз подавали «Довгань Дамскую». Жена Соболевского, большая поклонница этого напитка, все уши прожужжала. Оказывается, это старинный рецепт, который был утерян. В наше время правнучка некоего дворянина с юга России нашла его в бумагах предков и решила возобудить производство.

— Везет же некоторым. Мне предки оставили только долги по квартплате. И что дальше? Девушке повезло и она разбогатела?

— Насчет богатства не знаю, но качество водки отменное. В старину дамы ее очень уважали, отсюда и название. Соболевская рассказывала, что у девушки было несколько рецептов, но их похитил один шустрый малый, однофамилец, который набивался в родню. Потрясающая детективная ис-

тория. Жаль, Артемьев умер, мог бы использовать ее в своем романе.

— И чем же все закончилось?

— Шустрый малый позаимствовал все рецепты, кроме одного. Этой самой «Довгань Дамской». Рецепт был в любовном письме, которое, по счастью, в руки ему не попало.

— С мужиками надо держать ухо востро. Слушай, а из чего вообще водку делают? — додумалась спросить Софья.

— «Довгань Дамскую» делают с использованием настоя яблок и винограда. Причем определенных сортов. А вообще из чего угодно. Текилу, к примеру, из агавы.

— Брехня, — нахмурилась Софья. — Хотя черт его знает... Лучше свое, отечественное. Яблоки и виноград все-таки предпочтительнее агавы.

— Естественно, что после таких рассказов я не могла не попробовать «Дамскую». Попробовала и осталась довольна.

— А-а, — кивнула Софья и вроде бы успокоилась. Надо сказать, она довольно ревнива и терпеть не может, когда что-то в моей жизни происходит без ее участия. Но в данном случае она сама виновата, к Соболевским ее приглашали, но она не поехала: полгода он был ее любовником, и у Софьи, по ее собственному выражению, «глаза на него не смотрели». — Меню с Розой мы уже составили, напитки закажу сегодня, остается определиться с гостями. Ты, я, Макс, Кристина, наши литературные дамы

в количестве четырех штук... Далее: в гости напрашивается некий господин Хоботов, пишет, что он друг покойного. Ты такого знаешь?

— Должно быть, собутыльник. Пусть приезжает, места хватит всем.

— Твоя доброта не знает границ, — совершенно серьезно заметила Софья. — Еще письмо от некой Болеславской Ирины Витальевны. Эта пишет, что она твоя закадычная подруга, хотела бы встретиться, выразить сочувствие, и все такое...

— Болеславская? — задумалась я. — Ах, это Ирина, мы с ней вместе в цирке работали.

— Ты работала в цирке? — растерялась Софья.

— Я там клетки чистила. — Лицо ее вытянулось, а мне стало стыдно. — Вру. Я была ассистенткой фокусника, он засовывал меня в ящик, а потом распиливал.

— По-твоему, я так тщательно составляла твою биографию для того, чтобы ты отмачивала свои шуточки? — сурово поинтересовалась Софья. — Не вздумай такое брякнуть при посторонних.

— Позвони Ирине и скажи, что я с радостью встречусь с ней, — предпочла я сменить тему.

— Будет еще Чемезов, приятель Кристины. Как думаешь, у них это серьезно?

— Надеюсь.

— Макс тоже собирался пожаловать с подружкой. У него их три десятка, потому не знаю, с какой именно.

— Оставь мальчика в покое, — отмахнулась я.